

Именные предикативы и дативные предложения в европейских языках¹

Nominal predicatives and syntactic structures with a dative marking on the semantic subject in the european languages

Циммерлинг А. В. (meinmat@yahoo.com)

Московский государственный педагогический университет

В статье обсуждается соотношение между лексической группировкой несогласуемых именных слов, выражающих предикатное значение Состояния, и моделями предложения, где семантический субъект маркируется дат. п. В тех европейских языках, где имеются именные предикативы, как правило, есть и дативные предложения, но между этими двумя явлениями нет безусловной связи. Для типологии предикативов ключевое значение имеет противопоставление классов адъективных основ: от основ одного класса образуются только обозначения постоянных свойств, от основ другого класса — только слова ситуативного признака, основы третьего класса амбивалентны. Соотношение этих трех классов основ в конкретном языке определяет число предикативов и выражаемые ими лексические значения.

Опираясь на гипотезу Л. В. Щербы о наличии в русском языке Категории Состояния как особой части речи, В. В. Виноградов (1947), Н. С. Поспелов (1955) и А. В. Исаченко (1955) связали наличие группировки именных предикатов состояния с особенностями русского морфосинтаксиса — грамматикализацией нулевой связки «Быть» в 3 л. ед. ч. наст. времени изъяв. накл. и широким распространением дативно-безличного предложения, где семантический субъект маркируется дат. п., а в позиции предиката стоит неглагольное слово, выражающее идею пребывания конкретного одушевленного субъекта в определенном психологическом и/или физиологическом состоянии в течение некоторого отрезка времени (ср. *X-у муторно, стыдно, грустно, весело, жаль* и т. п.).

Валентность на дат. п. лица у русских предикативов не является тривиальным свойством — она очерчивает семантический класс внутреннего состояния. Вслед за (Булыгина 1982), (Селиверстова 1982), определим предикаты этого класса как выражения, указывающие на пребывание субъекта в некотором неизменном состоянии, не являющемся результатом чьего-либо непосредственного воз-

действия², в течение некоторого отрезка времени³. Такому определению в русском языке удовлетворя-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 09-04-00297а «Типология синтаксических ограничений».

² По этому признаку предикаты состояния противопоставлены т. н. результативам, т. е. предикатам, указывающим, что пребывание лица или предмета в данном состоянии есть следствие некоторых процессуальных изменений. Стандартными результатами в русском языке являются предикатные формы причастий, соотнесенные с исходными глагольными предложениями: так рус. *ручка сломана* соотносится с ситуацией, обозначаемой предложением *X сломал ручку*, а рус. *Вася рассержен* может соотноситься как с ситуацией, обозначаемой предложением *X рассердил Васю*, так и с ситуацией, обозначаемой предложением *Вася рассердился*. В русском языке имеется безличный результатив с формой причастия: *мне разрешено/запрещено рисовать*. Такие предложения соотнесены с глагольными предикатами вида *X разрешил/запретил Y-у Z*, поэтому они не могут быть признаны обозначениями состояний. Напротив, предложения *мне положено/не положено рисовать* могут быть признаны обозначениями состояний, поскольку на синхронном уровне они не соотносятся с глагольными предложениями **X положил Y-у (не) рисовать*.

³ Этот признак, как показал уже Л. В. Щерба (Щерба 1974) противопоставляет состояния предикатам свойства (качества), выражающих вневременные характеристики, ср. *Катя — студентка, Катя красивая/Катя — красивая женщина* и т. п.

ет ок. 150–160 лексем, способных формировать дативное предложение (*X-у пора уходить, X-у стыдно за свое поведение, X-у грустно, что его дочь опоздала*); если же считать и устойчивые сочетания вроде *X-у не с руки, X-у не к спеху*, число увеличится еще на сотню. Подавляющее большинство русских слов состояния — производные формы. Наличие у предикатива коррелята в виде прилагательного (*грустный vs *стыдный*) нерелевантно для предикации состояния в русском языке, но несогласуемые формы с финалью -о, способные употребляться в структуре $N_{\text{dat}} - V_{\text{link}} - \text{Pred}^4$, образуются не от всех адъективных основ. То, что способность формировать дативное предложение есть семантический тест, выявляется не при рассмотрении изолятов типа *стыдно, совестно, жаль, надо, пора*, которые лишены согласовательных коррелятов **стыдный, *совестный*, а при рассмотрении тех слов с финалью-о, которые соотносены с прилагательными. Не все предикативы на -о, которые употребляются в схемах Adv — Pred

⁴ От несогласуемых предикатов состояния с финалью -о необходимо отличать согласуемые формы прилагательных, которые тоже могут иметь валентность на дат. п. лица. Ср. предикатив *противно* в предложениях *рус. Мне противно читать такое, Мне противно, что журналисты сеют сплетни* и краткое прилагательное ср. р. *чуждо* в предложении *Мне это чуждо* (контрольное предложение *мне [эти устремления им. п. мн. ч. чужды им. п. мн. ч.]*). Валентность на дат. п. лица может быть присуща и согласуемым формам тех кратких прилагательных, от которых образуются предикативы, ср. *мне [противны им. п. мн. ч. его поползновения им. п. мн. ч.]*, но форму *чуждо* нельзя употребить в синтаксических контекстах вроде **мне чуждо, что журналисты сеют сплетни, ??мне чуждо повторять сплетни*.

и *Это*— Pred, имеют валентность на дат. п. лица: ср. правильные предложения *здесь пыльно, сегодня морозно, это алогично, это аморально* при аномальных **мне пыльно, *мне морозно, *вам алогично, *все аморально*. Такое распределение подтверждает, что предикативы с валентностью на дат. п. лица действительно имеют таксономические признаки состояний. В отличие от Н. С. Пospelova, мы не настаиваем, что те предикативы, которые возможны в дативном предложении, являются единственными обозначениями состояний в русском языке, и допускаем, что под то же таксономическое значение можно подвести несогласуемые предикаты вроде *X навеcele/наготове/не в своей тарелке*, реализующиеся в двусоставной схеме при подлежащем в им. п.

В работах (Бонч-Осмоловская 2003) и (Гришина 2002), опирающихся на (Грамматика 1980), утверждается, что в русском языке имеется единое дативное предложение с присущими ему инвариантными структурно-семантическими свойствами. Этот тезис не подтверждается анализом — между маркировкой семантического субъекта поверхностным дат. п. и семантикой предложения нет явной связи. Два типа дативных схем — **Дативно-Инфинитивные структуры** (ДИС), ср. *грузовикам здесь не проехать, нам еще тренироваться и тренироваться, всем отправляться по домам* и **Дативно-Предикативные структуры** (ДПС), ср. *мне тошно, стыдно, мне противно это говорить, мне грустно, что она опаздывает* имеют в русском языке разные структурные и семантические свойства, что доказывается в (Zimmerling 2009), (Циммерлинг 2009) и иллюстрируется на рис. 1 ниже.

	ДИС	ДПС
Минимальная схема	$[N_{\text{dat}} - V_{\text{inf}}]$	$[N_{\text{dat}} - V_{\text{link}} - \text{Pred}]$
Расширенная реализация	$[N_{\text{dat}} - \text{Pred} - V_{\text{inf}}]$	$[N_{\text{dat}} - V_{\text{link}} - \text{Pred}] - V_{\text{inf}}$
{+ Одушевленность} субъекта	Нет	Да
Семантическая роль субъекта (базовое значение)	Модальный субъект (алетическая модальность)	Субъект состояния
Интерференция с синтаксическими подлежащими (CPs)	Нет	Да
Лексический охват	Открытый класс	150–160 именных предикативов
Механизм приписывания дат. п. семантического субъекта	Нелексический: дат. п. не приписывается какой-либо вершиной и является встроенной характеристикой нефинитного предложения	Лексический: дат. п. приписывается предикативом как лексической вершиной

Рис. 1. Параметры ДИС и ДПС в русском языке

Тем не менее, есть языки, где значения, выражаемые в русском языке с помощью ДИС и ДПС, выражаются на основе одной и той же синтаксической схемы. Так, например, в латышском языке предикативов, образованных от основ прилагательных, нет, но есть особая глагольная форма т. н. дебитива, которая требует оформления семантического субъекта

дат. п. Модальное значение «внешнего», т. н. алетического, долженствования, выражается добавлением приставки *jā-* к финитной форме 3 л. глагола.

- (1) *Man nebūtu jāstrādā, ja es būtu bagāts.*
 ‘Мне не надо было бы работать, если бы я был богат’.

Возможны две точки зрения на грамматический статус латышского дебитива. А. Хольфут отвергает тезис о том, что дебитив — особое наклонение латышского глагола, и показывает, что финитная форма с приставкой *jā-* сочетается с показателями индикатива, конъюнктива и прочих наклонений, выражаемых формами вспомогательного (выполняющего роль связки) глагола *būt* 'быть' (Holvoet 2001, 32–46). Сам А. Хольфут трактует дебитив как финитную модальную форму латышского глагола, семантически эквивалентную сочетаниям модального глагола с инфинитивом (ср. рус. *надо/предстоит работать, надо было бы работать, надо будет работать*). А. В. Андронов отталкивается от того факта, что латышский дебитив реализуется в связочных структурах⁵, и видит в нем аналог латинского герундива или русских предикативных прилагательных (Andronov 1999), т. е. предикативов в терминах данной статьи. Так или иначе, употребление дебитива частично покрывает ту зону, которая в русском языке покрывается употреблением именных слов типа *надо, нужно*, а также модальных глаголов *предстоит, следует, надлежит*. В то же время, в латышском языке нет ограничения на одушевленность семантического субъекта предложения с дебитивом, ср. пример (5). Это сближает предложения с формой дебитива с русскими дативно-инфинитивными структурами (ДИС). Кроме того, дебитив, как и ДИС в русском языке, может образовываться от любого глагола, независимо от его семантики.

- (2) *Es* _{им. п.} *lasu grāmatu* _{вин. п.}
«Я читаю книгу».
- (3) *Grāmata* _{им. п.} *ir lasīta* _{им. п.}
Букв. «Книга есть прочтена».
- (4) *Man* _{дат. п.} (*ir*) *jālasa grāmata* _{им. п.}
«Мне [надо] прочесть книгу», букв. «мне надо-читает книга».
- (5) *Grāmatai* _{дат. п.} *ir jābūt lasītai* _{дат. п.}
«Книга должна быть прочтена»,
букв. «Книге [связка] надо-есть прочитанной».
- (6) *Man* _{дат. п.} *bija jālasa grāmata* _{им. п.}
«Мне надо было прочесть книгу»,
букв «мне было надо-читает книга».
- (7) *Man* _{дат. п.} *būtu jālasa grāmata* _{им. п.}
«Мне надо будет прочесть книгу»,
букв «мне будет надо-читает книга».
- (8) *Viņai* _{дат. п. ж. р.} *būšot jālasa grāmata* _{им. п.}
«Ей надо было бы прочесть книгу»,
букв «мне было-бы надо-читает книга».

⁵ В том числе, в структурах с нулевой связкой/опущенной связки 3 л. в наст. времени индикатива.

Семантический субъект латышского дебитива обладает рядом свойств подлежащего (не в меньшей степени, чем субъект ДИС в русском языке⁶), см. примеры (9–11), иллюстрирующие способность формы дат. п. *man* «мне» контролировать употребление возвратного местоимения, и (12), где показывается способность ИГ *Inetei* контролировать согласование со именной частью сказуемого (ср. рус. *Ей нравится жить одной, Васе нравится решать задачи самому*).

- (9) *Man* _{дат. п.} *jānopērk un jāizlasa šī avīze* _{им. п.}
«Мне [надо] купить и читать себе газету»,
«Мне₁ — покупать и читать себе₁ газету», букв.
«мне₁ надо-читает и надо-покупает себе₁ газета».
- (10) (*Man*) _{дат. п.} *jāizlasa avīze* _{им. п.} [*par sevi*]₁
«(Мне₁) [надо] читать газету про себя₁»,
букв. «мне₁ надо-читает газета про себя₁».
- (11) (*Man*) _{дат. п.} [*pašai*]₁ *jāizlasa avīze* _{им. п.}
«(Мне)₁ самому₁ читать газету», букв.
«(Мне)₁ самому₁ надо-читает газету».
- (12) [*Inetei*]₁ _{дат. п. ж. р. ед. ч.} *jābūt [labai]* _{дат. п. ж. р. ед. ч.}
«Инете₁ должна быть милой/доброй», «Инете₁ надо быть милой₁».

Как и русские предложения с операторными словами *должен* и *надо*, латышские предложения с формой дебитива наст. времени типа (12) неоднозначны: они могут выражать как значение деонтической модальности — 1) «Если Инете соблюдает определенную норму или конвенцию, она должна быть милой, ее долг — быть милой», так и значение алетической модальности — 2) «Внешние обстоятельства, ход событий вынуждают Инете быть милой, у нее нет выбора». Напротив, внешне аналогичные русские предложения с ДИС, по-видимому, не могут выражать деонтические значения и всегда выражают алетическую модальность, т. е. концептуализуют ситуацию внешнего принуждения. В этом плане предложения (13) и (14), не являются контрастной парой, хотя в первом случае ИГ в дат. п. одушевленная, а во втором — нет.

- (13) *Грузовикам тут не не проехать.*
(Ход событий полностью исключает Р).
- (14) *Девушкам — идти в постель и улыбаться!*
<Такова воля Атамана.>
(Внешнее принуждение делает Р неизбежным⁷).

⁶ Синтаксические свойства подлежащеподобных актантов в русском языке разбираются в [Zimmerling 2009].

⁷ Точнее, говорящий, не считаясь с волей адресата, приказывает адресату избрать сценарий поведения, при котором Р становится неизбежным. Речевой акт приказа приписывает говорящему способность добиться осуществления Р помимо воли адресата.

Напротив, высказывания с *надо* и *нужно* во многих контекстах допускают (15) или даже требуют (16) деонтическую интерпретацию.

- (15) *Девушкам надо почаще улыбаться.*
 <Тогда их карьера и личная жизнь будут успешными>.
- (16) *Инесе не нужно улыбаться во время доклада начальника.* <Это действие может повредить X-y>.

Итак, семантическое противопоставление модальных предикатов в конструкции, где ядерным компонентом является инфинитив (ДИС) и в конструкции, где ядерным компонентом является предикатив, а инфинитив, если он вообще допустим, является нисходящей валентностью предикатива (ДПС), сводится к формуле:

- ДПС используется в русском языке и для предикации деонтической, и для предикации алетической модальности, но ДИС не используется в русском языке для выражения деонтических значений и всегда выражает алетическую модальность, значение внешнего принуждения.

Противопоставление модальных предикатов по признаку способности/неспособности выступать в качестве деонтических операторов является еще одним аргументом против объединения ДПС, ср. (14) и ДИС, ср. (15), (16) в рамках единой конструкции с якобы присущей ей общей семантикой. Для латышского языка, где предложения в дебитиве могут выражать оба типа модальных значений, гипотеза о наличии единой предикатной семантики у безличных схем с семантическим субъектом в дат. п., уместнее. Напомним, что в латышском языке, в отличие от русского, нет именных предикативов и отсутствует ДПС.

ДПС с параметрами, близкими к русским, представлено в ряде славянских и германских языков. Естественно проверить гипотезу о том, что в языках, где есть дативное предложение, есть и лексическая группировка предикативов, в том числе, слова, лишенные непредикативных коррелятов и употребляющиеся только в позиции именного сказуемого при связочном глаголе (ср. рус. *жаль, стыдно, надо*). Данная гипотеза, высказанная в (Zimmerling 1992) подтвердилась материалом: в древнескандинавских памятниках нашлось около 1000 предикативов, ср. глоссарий в (Циммерлинг 2002). Сравним ситуацию в четырех языках с близкими морфосинтаксическими характеристиками — современном русском, древнеисландском, новоисландском и современном чешском. Вначале оценим ДПС в русском. Общее число предикативов со значением состояния составляет 250–260 единиц, из них 150–160 образованы от адъективных основ: пополнение класса возмож-

но, но новые предикативы являются близкими синонимами уже существующих — ср. разг. *X-у фиолетово, лениво* и лит. Рус. *X-у все равно, лень*. В русском языке предикат состояния всегда имеет конкретного одушевленного субъекта и соотношен со значением актуального ситуативного признака: высказывания типа **быть тошно после Нового Года случается нередко* аномальны. То, что этот запрет нетривиален, показывает новоисландский язык, где предложения типа (17b), с инфинитивной группой и предикативом в позиции подлежащего, грамматичны.

(17a)

<i>Honum</i>	<i>varð</i>	<i>flökurt.</i>
Он _{дат. п. ед. ч. мр.}	стать _{3 л. ед. ч. прш. вр.}	тошно _{ср. р. ед. ч.}

‘Ему стало тошно’.

(17b)

[<i>Að verða flökurt</i>]	<i>er</i>
Чтобы становиться _{инф.}	тошно _{ср. ед. ч.} быть _{3 л. ед. ч.}

algengt.
 повсеместный_{ср. р. ед. ч.}
 ‘Люди часто испытывают тошноту’,
 Букв. ‘[быть тошно] случается часто’.

В (17a) предикатив *flökurt* ‘тошно’, как и его русский эквивалент, актуализован и описывает референтную ситуацию, где конкретный X испытывает тошноту. И новоисландский, и русский предикативы соотносены с адъективными парадигмами и омонимичны согласуемым прилагательным в форме им.-вин. п. ср. р. ед. ч. Согласуемых форм **тошный, *flökurt* ни в том, ни в другом языке нет, т. е. с точки зрения исландца и русского, не бывает конкретных референтов (предметов или лиц), к которым можно приложить признак «быть тошным». Тем самым, «X-y тошно», «X-i er flökurt» — ситуативный признак. Характеристики самих предикатов *тошно* и *flökurt* сходны, но исл. *flökurt*, как видно по (17a) и (17b), сочетается как с актуальным, так и с генерическим субъектом, в то время как для русского языка второй вариант исключен.

Обозначим предикаты ситуативного признака, образованные от неглагольных основ, символом LexP, и рассмотрим LexP, соотношенные с прилагательными. Производящие основы, от которых образуются предикативы и атрибутивные слова, делятся в русском языке на три класса: 1) актантно-поляризованные основы, от которых образуются только выражения, соотношенные с конкретным референтом, и не образуются выражения, характеризующие ситуацию в целом, ср. запрет на **мне злобно, *мне упитанно, *мне аморально, *мне улыбочиво* при правильном X — *злобный, упитанный, аморальный, улыбочивый*⁸; 2) ситуативно-поляризованные

⁸ Более точно, основы класса I делятся на два подкласса. От основ подкласса Ia предикативная несогласуемая форма с финалью -o вообще не может быть постро-

основы, от которых в литературном языке образуются только предикативы, ср. *X-у стыдно, тошно, совестно*, ср. запрет на **стыдный, *тошный, *совестный*; 3) амбивалентные основы, от которых образуются предикаты обеих типов — ср. *веселый, грустный, муторный, X-у весело, печально, муторно*. Пометим основы индексами I, II, III для амбива-

на, ср. запрет на **это гневно, *это улыбочиво*. От основ подкласса Ib такая форма может быть построена, ср. *здесь пыльно, с его стороны любознательно проверить ссылки*, но валентность на субъекта-носителя признака, если таковая имеется, замещается не дат. п. лица, а предложным род. п. с предложком *для: переписывать уже изданную книгу — для него (*ему) характерно*. Для целей данной статьи различие случаев Ia и Ib не важно.

лентных, актантно-поляризованных и ситуативно-поляризованных основ соответственно. Отдельно рассмотрим случай, где лексическое значение LexP и коррелятивного прилагательного не тождественны, и предикатив реализует значение производящей основы с модификацией модального или оценочного плана. Если трактовать «коррелятивность» как диахроническое соответствие, такие примеры обнаружатся во всех трех классах основ, но в каждом из них они, вопреки В. В. Виноградову и А. В. Исаченко, составляют абсолютное меньшинство: утверждение, будто в русском языке образование предикативов от именных основ «всегда» или «как правило» сопряжено с изменением лексического значения, неверно. Результаты представлены в таблице на рис. 2.

Модификация лексического значения	I. Амбивалентные основы	II. Актантно-поляризованные основы	III. Ситуативно-поляризованные основы
	Образуются как предикаты, соотношенные с конкретным референтом, так и предикаты ситуативного признака (LexP)	Образуются только предикаты, соотношенные с конкретным референтом	Образуются только LexP
1. Нет	1.1. Скверн=ый → скверн=о Adj _[-Q, -a, -o, -ы] = {скверен, скверна, скверно, скверны}	2.1. гневн=ый ⇄ *мне гневн=о	3.1. *стыдн=ый → стыдн=о
2. Да	1.2. паршив=ый → ему сейчас паршиво	2.2. жирн=ый творог → ему жирно	3.2. слаб=ый → слаб=о ему

Рис. 2. Три типа соотношений краткое прил. → LexP в русском языке

В парах из последней строки таблицы (1.2., 2.2., 3.2.) лексическое значение производящей основы меняется. Предикат *X-у (сейчас) паршиво* не несет информации о множестве референтов, обладающих свойством *паршивости* в тот отрезок времени, когда физическое или психическое состояние X-а оценивается как *паршивое*. В этой паре негативная оценка *паршивых X-в /паршивой ситуации* как аномалии, крайней степени неблагоприятности, присутствует у обеих членов. Еще более очевиден сдвиг в паре *жирный творог → X-у жирно*: сообщение о том, что конкретные референты обладают свойством *жирности*, не имплицирует ни того, что жирность — негативная характеристика, ни того, что жирность — это градуируемый признак, ни того, что превышение порога жирности для каких-либо X-ов — аномалия. В литературном языке прилагательное *паршивый* и LexP *паршиво* в паре 1.1. одинаково приемлемы⁹, что позволяет квалифицировать основу *паршив-* как амбивалентную. В паре 2.2. норма одобряет прилагательное *жирный* как обозначение свойств конкретных референтов, но не предикатив

X-у жирно [что-либо иметь/получить] = 'По мнению Y-а, X не заслуживает Z-а'. В консервативной норме основа *жирн-* актантно-поляризована. Тем не менее, большинство носителей нормы владеет и субнормативным употреблением LexP *жирно*. Это позволяет объяснить подтип 2.2. как спорадическое нарушение границ между амбивалентными (класс I) и актантно-поляризованными основами (класс II). То, что переход отдельных основ класса II в класс I — непродуктивный процесс, доказывается малым числом новых LexP, возникших за последние полвека. К подтипу 2.2. можно отнести пары *ленивый X → X-у лениво что-либо делать* = 'По мнению Y-а, ленивая сущность X-а не позволяет ему делать Z' и *фиолетовый X → X-у фиолетово* = 'X-у все равно, Z или не Z': в консервативной норме основы *ленив-* и *фиолетов-* актантно-поляризованы, а LexP *лениво* и *фиолетово* не разрешены. Если же ориентироваться на все регулярные употребления, то формы *жирно, лениво* и *фиолетово* необходимо признать. Точный список русских LexP зависит от соглашения о том, какого рода тексты разделяются большинством говорящих: не все, кто владеет книжным *X-у невестно*, употребляет разговорное *X-у лениво*, и наоборот. Существенно, что появление новых LexP связано с ротацией синонимов и вытеснением устаревших слов разговорными, а не с освоением новых лекси-

⁹ Информанты, которые из пуристических соображений порицают предложение *Ему сейчас паршиво*, порицают и оценочное употребление прилагательного в предложениях типа *Это паршивый фильм*.

ческих значений, не покрывавшихся ранее существовавшими единицами: разг. *X-у лениво* пришло на смену нейтральному *X-у лень* и книжному *X-у невместно*, а жарг. *X-у фиолетово* является эпатажным вариантом разг. *X-у по барабану* и нейтральных *X-у все равно*, *X-у безразлично*.

Столь же непродуктивен подтип 3.2., ср. пару *слабый* → *X-у слабó*, где сдвиг значения при образовании предиката ситуативного признака *X-у слабó* = 'У утверждает, что X не в силах выполнить задачу Z', сопровождается акцентной дифференциацией прилагательного и LexP. См. также пару *вольный* → *X-у вольно́*, отмеченную А. М. Пешковским, и пару *полно* <тебе притворяться> и *полно́* <чего-л.>. В этом подтипе этимологически связанные основы прилагательного и LexP можно трактовать как омонимы, что сближает его с подтипом 3.1., где производящая основа LexP исчезла: ранее существовавшие прилагательные **стыдный*, **совестный* больше больше не употребляются. Сторонники гипотезы о Категории Состояния как особой части речи — В. В. Виноградов, А. В. Исаченко, Н. С. Поспелов — уделили основное внимание непродуктивным механизмам, дающим подтипы 3.1 и 3.2., и изолятам, которые не связаны с прилагательными — *X-у надо*, *нельзя*, *жаль*, *пора*. Такой перекокс продиктован желанием найти основы, для которых значение ситуативного признака является единственным. Но адъективных основ класса III в русском языке мало: для воспроизводства класса LexP важнее размежевание амбивалентных (класс I) и актантно-поляризованных (класс II) основ. Оно носит безусловный характер в литературной норме и относительно устойчиво в субнормативном русском языке.

Новейшие LexP с финалью *-о*, распространившиеся в молодежном жаргоне за последние десятилетия, уже не образуются от основ, дающих согласуемые краткие формы. Тем не менее, они коррелируют с парадигмами полных прилагательных так же, как LexP, уже вошедшие в словарь. Предикативы *X-у стремно*, *X-у очково*, *X-у ссыкотно* пока фиксируются не всеми интернет-словарями. LexP *стремно* связан с прилагательным *стремный* «опасный, рискованный». Основа *стремн-* у тех носителей русского языка, кто ей пользуется, амбивалентна и принадлежит к классу I. LexP *ссыкотно* (*ссыкотно*) 'X-у страшно до такой степени, что возникает позыв мочиться' связан с прилагательным *ссыкотный* (*ссыкотный*). Тем самым, и эта основа амбивалентна и принадлежит к классу I. LexP *очково* 'X-у страшно до такой степени, что возникает позыв непроизвольно испражняться' деривационно связан не с прилагательным *очковый*, образованным от существительного *очки* (ср. сочетание *очковая змея* в литературном языке), а с существительным *очко* 'anus' и устойчивой коллокацией *очко играет*. Тем самым, основу *очков-* следует отнести к классу

III, если в субнормативном языке не всплывет прилагательное *очковый*₂, омонимичное слову литературного языка: в этом случае основу *очков-* следует отнести к классу I.

Функционирование LexP в субнормативном русском языке показывает, что появление новых предикативов, имеющих валентность на дат. п. лица, вполне вероятно, так ряд «X-у страшно до такой степени, что возникает физиологическая реакция Z₁, Z₂...Z_n» легко продолжить. В этом смысле класс LexP в русском языке открыт. Вместе с тем, количество предикативных значений, которые можно выразить синтаксической схемой ДПС [N_{dat} — V_{link} — Pred], ограничено денотативной сферой психических и физиологических состояний человека. Суммируем все обсужденные параметры:

Русский язык

- LexP, предикативные таксономическое значение Состояния и соотнесенные с одушевленным семантическим субъектом, могут быть образованы только от одного класса качественных прилагательных.
- Семантика {+ Одушевленность; + эксперенциальный субъект; + актуальность; — генеричность}.
- Основная синтаксическая схема: ДПС [N_{dat} — V_{link} — Pred].
- Объем класса LexP: ок. 250–260 единиц, из 150–160 единиц образуются от адъективных основ.
- Продуктивность: класс LexP может пополняться, но количество предикативных значений денотативно ограничено.

В древнеисландском языке предикативы со значением Состояния составляют открытый класс. Денотативное ограничение на одушевленность семантического субъекта отсутствует. Помимо дативных схем есть параллельные возможности реализации предикативов в предложении: значение «X-у не хватает хвороста» может быть выражено как путем *honum var / varð eldivíðarfátt*, букв. «ему было / стало малохворостно», с непереходными связками *vera* «быть» и *verða* «становиться», так и путем *hann hafði eldivíðarfátt*, букв. «он имел малохворостно», с переходной связкой *hafa* «иметь» или ее синонимами (Циммерлинг 2002). В этих условиях разбиение производящих именных основ на актантно- и ситуативно-поляризованные принципиально невозможно, так как позицией семантического субъекта можно расширить любое высказывание с предикативом и связкой. Общее число форм типа *eldivíðarfátt*, которые имеют морфологию прилагательных, но употребляются только предикативно и лишены каких-либо согласовательных коррелятов (нет формы м. р. **eldivíðarfár* «малохворостный») в текстах

приближается к 1000, но некоторые встречаются в корпусе всего один-два раза. Как и в русском языке, синтактика и семантика предикативов, лишенных согласовательных коррелятов, ср. (18b) и (18c), и несогласуемых именных форм, ср. предикатив *illt* 'плохо' к прил. *illr* 'плохой' в (18a), идентична.

(18a)
þar var illt til eldiviðar (МН 15–198).
 Там был ^{Зл. ед. ч. пр. вр.} плохо к хворост ^{род. п.}
 «Там было **плохо с хворостом**».

(18b)
því at matsveinum varð eldiviðarfátt (М 15–200).
 Так как повар ^{дат. п. мн. ч.} ^{Зл. ед. ч.} ^{пред.} ^{статья}
 малохворостно
 «Так как поварам не хватило хвороста», букв.
 «так как поварам **стало малохворостно**».

(18c)
Matsveinar Þorgeirs höfðu eldiviðarfátt (М 15–199).
 «Повар ^{им. п. мн. ч.} Торгейр ^{род. п.} ^{Зл. Мн. ч.} иметь
 малохворостно»
 «У поваров Торгейра был недостаток хвороста»,
 букв. «Повара Т. **имели малохворостно**».

Морфология древнеисландских предикативов позволяет разбить их на три класса. Наиболее обширный класс — слова с финалью *-t* — строится по типу прилагательных т. н. сильного склонения в форме имен.-вин. п. ср. р. ед. ч. Среди них преобладают композиты и слова с суффиксами *-mikit*, *-fátt*, *-laust*, *-samt*¹⁰; также *-ult*, *-alt*¹¹, префиксами *ó-*, *ör-*, *auð-*, *vand-*, *tor-*¹². Встречаются и симплексы: *annt* «много работы», букв. «занято», *ekki fritt* «не мирно» = «есть опасность вооруженного нападения». Второй класс представлен префиксальными словами, в качестве торого компонента которых выступает супин (несогласуемая форма причастия прош. врем.) от реально существующих глагольных основ: *auðfengit* «*легко-доступно» (*fá* «получать», **auðfá*), *hugleikit* «замышлено» (**hugleika*, *mér lék hugr* «у меня созрел замысел»), *ólifat* «не дожито» (*lifa* «жить», **ólifa*). По своему значению такие предикативы сопоставимы с целыми высказываниями, где значение глагола проясняется зависящими от него элементами: *honum kom í hug* «X-у пришло на ум» → *honum var hugkvæmt*, букв. «*X-у было **наумвходно**». Супин почти всех глаголов имеет финаль *-t*, тем самым большая часть предикативов получает общий маркер. Третий класс образу-

ют слова с гласной финалью — *a/-i* (тип слабого прилагательного или *n*-основного существительного): *hugsi* «задумчив, молчалив», *þrotráða* «немощен», *örbjarga* «беспомощен», *sundrórða* «несогласен, груб». Слова первых двух классов (с финалью-*t*) возможны в дативном предложении и его парафразах: тем самым, др. исл. предикативы на *-t* являются точной параллелью русских формам на *-o* (*стыдно*, *грустно* и т. п.) и прочим предикативам, формирующим русское ДПС (*жаль*, *надо*, *некогда* и т. п.), если отвлечься от того факта, что в русской грамматике нет парафраз, разрешающих преобразовывать непереходную схему *мне было стыдно/грустно*, в переходную **я имел стыдно/грустно*. Др. исл. предикативы на *-a/-i* обычно употребляются за пределами ДПС и реализуются в двусоставном предложении: они составляют точную параллель к русским предикативам типа *навеселе*, *подшофе*, *не в духе*.

Данные памятников показывают, что в древнеисландском языке XI–XIV существовало около 1000 ситуативно-поляризованных основ, от которых образовывались только предикативы ситуативного признака, но не обозначения постоянных свойств. Несогласуемые предикаты состояния с той же семантикой образовывались и от амбивалентных основ. Специфика древнеисландского языка заключается в том, что в нем, в отличие от современного русского, по-видимому, вообще не было актантно-поляризованных основ. Поскольку грамматика позволяет добавлять позицию субъекта-носителя признака в любую связочную структуру, нет явной грани между обозначениями состояний внешнего мира и обозначениями внутренних состояний лица: так, предикатив *vígljóst*, букв. «боевлетло» сам по себе означает «достаточно светло, чтобы можно было вести бой», а при ДПС *honum var vígljóst*, букв. «ему ^{дат. п. ед. ч.} было ^{Зл. ед. ч. пр. вр.} боевлетло» означает «X-у было достаточно светло, чтобы он мог вести бой» и «В момент *t* было достаточно светло для того, чтобы X мог вести бой». В этих условиях признак «± одушевленность» для класса предикативов (LexP) нерелевантен, тем более, что употребление предикативов в древнеисландском языке покрывает все денотативные сферы без ограничений. Суммируем параметры.

Древнеисландский язык

- LexP со значением Состояния образуются от любых основ. Актантно-поляризованных адъективных основ нет.
- Семантика {+ эксперенциальный субъект; + актуальность; — генеричность}. LexP не охарактеризованы как {+ одушевленные}.
- Основная синтаксическая схема: DPS [N_{dat} — V_{link} — Pred], связочные схемы с непереходными и переходными связками.

¹⁰ Ср. др. исл. *áhyggjumikit*, букв. «озабоченно», *ráðfátt* «нет мыслей», букв. «*скудномысленно», *svefnsamt* «(делается) сонно».

¹¹ Др. исл. *stopalt* «скверно», др. исл. *bimbult* «муторно».

¹² Др. исл. *örvænt* «безнадежно», др. исл. *torfynt* «трудно найти».

- Объем класса LexP: ок. 700–1000 специализированных в предикативном употреблении единиц в корпусе памятников.
- Продуктивность: LexPs — открытый класс, набор предикативных значений не ограничен.

В современном чешском языке предикативы со значением Состояния составляют строго ограниченный класс (не более 25–30 единиц), его пополнение невозможно. Предикативы, которые реализуются в ДПС, лишены единого маркера: наряду с формами ср. р. бывших кратких прилагательных (финаль *-o*), имеются предикативные наречия с финалями — *é* (*trapné* «грустно», *lhostejné* «безразлично») и *-e* (*dobře* «хорошо», *zle* «плохо»), и слова с финалью *-a* (*zima* «холодно», *hanba* «стыдно»). Другой особенностью чешского языка является то, что краткое прилагательное как живая категория отсутствует: сохранившиеся 30–35 согласуемых кратких прилагательных имеют статус архаизмов. Предикативы с финалью *-o* в диахронической перспективе являются формами имен-вин. п. ср. р. кратких прилагательных, но в синхронии коррелятивность утрачена. Те формы на *-o*, которые употребляются в ДПС, ср. чеш. *je mi smutno* «мне грустно», *je mi nevolno od žaludku* «мне муторно», *je mi slabo* «мне тошно, дурно», *je mi teskno* «мне тоскливо», *je mi lehko* «мне весело», не соотношены с согласуемыми краткими прилагательными, и наоборот, от тех кратких прилагательных, которые еще фиксируются книжной нормой (*bos* «бос», *ženat* «женат», *zvědav* «любопытен», *bohat* «богат» и т. п.), не образуются предикативы, употребляемые в ДПС. Тем самым, чешские краткие прилагательные и чешские предикативы *-o*, образованные от кратких прилагательных, образуют дополнительную дистрибуцию: первые представляют актантно-поляризованными основы (ср. рус. *смешлив-*), а вторые — ситуативно-поляризованные (ср. рус. *стыдн-*). Амбивалентных основ типа рус. *смешн-*, *грустн-*, обеспечивающих продуктивность ДПС в русском, в чешском языке почти нет.

Еще одна особенность чешского языка состоит в том, что не все несогласуемые предикативы, которые употребляются в ДПС (схема $N_{\text{dat}} - V_{\text{link}} - \text{Pred}$, ср. рус. *мне грустно, что P*) могут реализоваться в схеме с нулевым подлежащим ($\emptyset - V_{\text{link}} - \text{Pred}$, ср. рус. \emptyset *грустно, что P*). Так, рус. *жаль* в чешском языке соответствует два разных предикатива. Значение «X-у жаль Y-а» передается в ДПС с помощью *líto — je mi líto matku /peněz* «мне жаль мать/денег», а значение «X-у жаль, что P» передается с помощью *škoda — je škoda, že P*. Употребления **je líto matku* и **je mi škoda, že P* неграмматичны. Точно также, при *teskno* «тоскливо», *těžko* «тяжко», *nevolno* «муторно», *slabo* «дурно», *smutno* «грустно», *trapné* «неловко» позиция дат. п. лица неустраима: эти предикативы не сочетаются ни с формальным словом *to* «это», ни с нулевым подлежащим: передать смысл «это было грустно», «это было тоскливо» в схеме $\emptyset/to -$

$V_{\text{link}} - \text{Pred} - \emptyset/*to$ было *teskno*, $\emptyset/*to$ было *smutno* — нельзя. И наоборот, предикатив *veselo* «весело», который разрешает нулевое подлежащее, ср. *tady je veselo* «здесь весело», несовместим с ДПС, предложение **je mi veselo* «мне весело» отвергается. Предикативы *lze* «разрешено», *není lze* «нельзя», *možno* «можно» не принимают дат. п. лица: используя эти модальные операторы, по чешски нельзя сказать «мне нельзя», «мне можно». Таким образом, в чешском языке за ДПС и схемой с нулевым подлежащим закреплены разные группировки предикативов, что русскому и древнеисландскому языку несвойственно.

Некоторые предикативы допускают или требуют транзитивную связку *mít* «иметь», но такие случаи лексикализованы. Значение «мне нужно» при предикативе *třeba* в высоком стиле можно выразить в ДПС — чеш. *je mi to třeba čeho*, чему в стандартном языке соответствует транзитивный оборот с синонимом *potřeba* «нужно, потребно» — чеш. *mám potřebu čeho*, букв. «я имею нужно в чем-л.», но *potřeba* не имеет валентности на дат. п. лица — **je mi to potřeba čeho*, а *třeba* не сочетается с *mít* — **mám potřebu*. Только с *mít* реализуется предикатив *rád* «рад», «X расположен к Y-у»¹³: Предикатив *dušno* «душно» реализуется и в ДПС, и с *mít*, но *mám dušno*, букв. «я имею душно», значит не «мне душно», а «здесь душно», информация о состоянии одушевленного субъекта — «X-у душно» в схеме с *mít* передана быть не может. Суммируем параметры.

Современный чешский язык

- Краткие прил. отмирают. Лишь часть LexP имеет соответствия в парадигмах кратких прилагательных. LexP образуются от малого числа адъективных основ. Амбивалентные основы отсутствуют.
- Семантика {+ эксперенциальный субъект; + актуальный; — генерический}. LexP не охарактеризованы как {+ одушевленные}.
- Основные синтаксические схемы: ДПС [$N_{\text{dat}} - V_{\text{link}} - \text{Pred}$], ПС [$\emptyset - V_{\text{link}} - \text{Pred}$]. Разные схемы закреплены за разными группировками предикативов.
- Объем класса LexP: ок. 25–30 единиц.
- Продуктивность: LexP — закрытый класс, количество предикативных значений строго ограничено.

¹³ Предикатив *potřeba* изменяется по падежам (точнее, принимает формы им. п. и вин. п. ед. ч. при непереходной и переходной связках соответственно), предикатив *rád* имеет формы рода и числа (но не падежа). Ни то, ни другое слово не могут замещать актантные позиции и принимать определения, т. е. с синтаксической точки зрения не являются существительными.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что между наличием связочных дативно-безличных структур и наличием предикативов со значением состояния (LexP) есть связь, но общность синтаксической схемы позволяет предсказать только общую семантику, но не их число и синтактику LexP. В современном русском языке между двумя основными продуктивными моделями дативных предложений — Дативно-Предикативными Структурами (ДПС) и Дативно-Инфинитивными Структурами (ДИС) сложилось такое распределение, которое позволяет утверждать, что они нигде не являются синтаксическими синонимами. В русском и древнеисландском языках предикативы получают в ДПС общие маркеры, указывающие на их генетическую отнесенность к парадигмам прилагательных. Основы, от которых образуются предикативы, могут быть либо специализированы для построения ситуативных обозначений, либо амбивалентны и использоваться как для производства слов ситуативного признака, так и для обозначения постоянных свойств, имеющих конкретного носителя. В русском языке четко прослеживается тернарное

противоставление: ситуативно-поляризованных адъективных основ класса *стыдн-* мало, имеется большое число актантно-поляризованных основ, от которых предикативы ситуативного признака образовываться не могут, а продуктивность ДПС поддерживается амбивалентными основами класса *грустн-*. В древнеисландском языке нет актантно-поляризованных основ, в то время как в чешском языке нет амбивалентных основ. Что касается лексических значений, выражаемых предикативами, были выявлены как языки, где в ДПС выражается строго ограниченное число значений (чешский), так и языки, где в ДПС выражается неограниченно большое число значений (древнеисландский). Семантическим инвариантом предикативов является значение локализованного во времени признака ситуации: в зависимости от конкретного языка, данный признак может либо соотноситься, либо не соотноситься исключительно с одушевленным субъектом. Во втором случае дативные структуры с позицией именного предикатива обнаруживают точки сближения с модальными глагольными конструкциями (ср. латышский язык).

Литература

1. Апресян Ю. Д. Синтаксические признаки лексем // *Russian Linguistics*, Vol. 9, N 2–3, 1985, 280–315.
2. Бонч-Осмоловская А. Конструкции с дативным субъектом в русском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата фил.наук. М., МГУ, 2003.
3. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов*, М., 1982, 7–85.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947.
5. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., МГУ. 1958.
6. Исаченко А. В. О возникновении и развитии "категории состояния" в славянских языках // *Вопросы языкознания*, 1955, N 6.
7. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Учебник. М., МГУ: 2000.
8. *Грамматика 1980* — Русская грамматика. АН СССР, т. 1–2. М.: Наука, 1982.
9. Гришина Н. И. Дативные предложения в парадигматическом аспекте. М., 2002.
10. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
11. Исаченко А. В. О возникновении и развитии "категории состояния" в славянских языках // *Вопросы языкознания*, 1955, N 6.
12. Мельчук И. А. Syntactic, or Lexical Zero in Natural Language // *Модель Смысл-Текст и проблемы русской грамматики. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 39. Москва-Вена, 1995, 169–205.*
13. Поспелов Н. С. В защиту категории состояния // *Вопросы языкознания*, 1955, № 2.
14. Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // *Семантические типы предикатов*, М., 1982, 86–157.
15. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.- Л., 1974.
16. Циммерлинг А. В. История одной полемики // *Язык и речевая деятельность*, 1998, № 1, 63–88.
17. Циммерлинг .В. Древнеисландские предикативы и гипотеза о категории состояния // *Вопросы Языкознания*, 1998, № 2.
18. Циммерлинг А. В. Субъект состояния и субъект оценки // *Логический анализ языка. Образ человека в зеркале языков и культур/Арутюнова Н. Д. (ред.)*. М., Индрик, 1999.
19. Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002.
20. Циммерлинг А. В. Два типа дативных предложений в русском языке // *Слово — чистое веселье: Сборник статей в честь А. Б. Пеньковского М.: Языки славянских культур, 2009, 471–489.*
21. Andronov A. V. "Vajazdības izteiksme" latviešu valodas gramatiskajā tradīcijā (The fluctuating fortunes of the Latvian dative) // *Baltu filoloģija* 8 (1999), 154–177.
22. Hoelvoet A. *Studies in the Latvian Verb*. Kraków? 2001.
23. Moore, J. and D. Perlmutter. What Does it Take to Be a Dative Subject? // *Natural Language and Linguistic Theory* 18 (2000), 373–416.
24. Sigurðsson, Halldór Á. To be an Oblique Subject: Russian vs. Icelandic // *Natural Language and Linguistic Theory* 20 (2002), 691–724.
25. Zatořkaňuk M. Neosobní predikativa a utvářeny přibuzné, zvláště v ruštině // *Rozpravy Československé akademie věd, 1965, sešit 6, ročník 75.*
26. Zimmerling A. Die unpers`nlichen Satzmodelle in der altisl@ndischen Sprache // *Texte und Untersuchungen zur Germanistik und Skandinavistik*, Bd., 30, Lilja Popowa (hrsg). Peter Lang Verlag, 1992. Frankfurt a.M.- Berlin- Bern — Paris- New York, 309–328.
27. Zimmerling A. Zero Lexemes and Derived Sentence Patterns // *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 69 (2007).*
28. Zimmerling A. Dative Subjects and Semi-Expletive pronouns // *Studies in Formal Slavic Phonology, Syntax, Semantics and Information Structure / G. Zybatow, Uwe Junghanns, Denisa Lenertová, Petr Biskup (eds)*. Frankfurt-a-M-Berlin-Bern-Bruxelles-N.Y–Oxford-Wien: Peter Lang, 2009, 253–265.